

ЯЗЫК ТРОЛЛЯ

РОМАН-РАССЛЕДОВАНИЕ
ДЕЛА БРЕЙВИКА

Зубчатое колесо чиркнет о кремь и сплюнет икру. Струйка пропана воодушевится до пламени. Шнур вспыхнет. Гореть будет 6–7 минут. Он всё рассчитал.

В руке зажигалка.

Зубцы врезаются в палец.

Форма, бронежилет и шлем запутают охранников. Непонятный фургон их уже зашевелил, но совсем скоро они на своих экранах увидят, как из кабины вылезает полицейский, и тогда схватятся не за рации, а за телефоны. Пока всевозможные службы будут меж собой выяснять, какая из них и, главное, какого чёрта пригнала сюда этот белый «Крафтер» с номером BR99834, он спокойно дойдёт до соседней улицы. Там припаркована другая машина.

Он уедет.

Шнур догорит.

Зубцы врезаются в палец. Он рассчитал не всё. В кабине воняет страхом. У его страха запах застоялой мочи — это запах аммиака. Высокая концентрация. Наверное. Он точно не знает.

Дышать тяжело.

Если икра раздражит и эти пары, проникающие из грузового отсека, всё закончится гораздо раньше. Очень быстро. Прямо сейчас.

Ему страшно, и он не понимает почему. Ещё 10 минут назад был готов умереть — он в этом уверен, — когда по пути сюда напоролся на патрульных. Там перевернулся трактор, скопился затор, скорость пришлось сбросить. Они могли рассмотреть его, как рыбу в аквариуме. Самодель-

ную полицейскую форму, бледное лицо, на котором читалось всё. Он ловил их взгляд, сжимая заряженный «Глок». Операция срывалась из-за грязного тракториста. Было обидно. Но не страшно.

Что изменилось? Что?

Если из здания всё-таки выскочит охрана, он тут же подожжёт шнур и будет отстреливаться. Он не выживет. Это часть плана.

Тогда почему застыл?

В голове только искры, которым не за что зацепиться.

Зубцы врезаются в палец. Сухо во рту. Это мандраж? Или капсулы с эфедрином, кофеином и аспирином. Он сидит на них несколько дней, чтоб быть свежее и собранней. Было много работы и мало сна. Сегодня, правда, отлично выспался, но теперь накатила такая усталость... не справляется даже допинг.

Девять лет подготовки. Девять! Наконец, у цели. Всё или мешок дерьма! А ведь он может так и не узнать...

И что? Разве это его держит?

А жизнь? С ней он расстанется в любом случае — он это уже объяснил себе.

Вопрос в том, надолго ли затянется смерть. Умрёт, не успев моргнуть? Или через час в прицеле снайпера? Если так и не решится, скорее — через годы. Точка невозврата ещё не пройдена, но кем и куда ему возвращаться?

В квартиру матери.

Трусом.

Предателем.

Банкротом.

Бежать! Бежать!

Такой мысли нет. В этот зависший миг нет вообще никакой. Возможно, впервые он не думает даже о том, что о нём скажут. Сборник разослан, «Крафтер» на месте, зубцы врезаются в палец.

Он выводит себя из секундного ступора и чиркает зажигалкой.

Тебя хорошо обломали. Теперь ты готов.

— Надели памперсы и вперёд!

Есть люди, чьи подколки приходится пропускать.

— Мне нужен эффект присутствия, мне нужна «живая камера».

Потом расскажу, что это. Сейчас важно другое: желание начальства — это даже не закон, а смысл. Смысл жизни на нашем телеканале.

— Обязательно пройдишь по барам...

Прошёлся я как-то раз по барам — съёмка едва не накрылась тазом. Но Директор об этом, конечно же, не узнал...

— Пустые бары в европейской столице в ночь с пятницы на субботу! Европейцы боятся высунуть нос из дома! Андрюха, мне нужно именно это!

Ухо, которым я слушал Директора, давно вспотело. То ли так действовал нагретый телефон, то ли бесчисленные бесценные указания. Наконец они иссякли, на смену пришли короткие гудки. Я достал сигарету.

Вступление вышло многообещающим, основная часть непредсказуема. Затяжек двадцать между ними, и снова поехали.

Над моей головой массивный козырёк, под стать всему сооружению. Есть аэропорты, которые поражают размерами. Этот явно не в их числе. Но он цепляет безукоризненностью, стройностью, чёткостью линий.

Сверху, сквозь прореху в тучах, я видел светящуюся «Н» из идеально параллельных взлётно-посадочных полос и перекладины — мощного прямоугольного терминала с пирсами. Помню, в каком-то самолётном чтении наткнулся на проект реконструкции: от середины этого здания собираются пустить долгий перпендикуляр, и оно уже будет смахивать на аэроплан или скандинавский крест. Так что, если пассажир хлебнёт лишнего и лишнее вышибет, куда он летит, при посадке наметит сама геометрия.

Впрочем, и без креста этот аэропорт всей своей архитектурой подсказывает: мы попали в королевство прямых углов.

Несколько часов назад здесь всё пошло наперекосяк.

ВСТУПЛЕНИЕ

Несколько часов назад — ещё в Риге — весь штат бюро был при деле. Я, оператор Ваня — вот и весь штат. Мы резали человека, который притворялся свиньёй.

«Меня в свинью превратили люди. Ведут себя как свиньи, друг к другу относятся как к свиньям. Что, нет? «Чтоб добраться до кремлей, свиней сначала поимей», — ещё Ленин завещал Хрущёву. А я подслушивал».

— Это гениально! — Ваня был против политической цензуры.

— Режь!

— Про Хрущёва-то ладно, но на Ленина у меня рука не поднимается!

Человек-свинья не признавал авторитетов, он был как Бэтмен, только плащ розовый, а на маске рыло. Звали его Цукменом. Каждый журналист, посланный в Латвию, хотя бы раз сталкивался с ним, меня он настиг на пятом месяце работы в Прибалтике.

Когда моё новое информационное пространство сжалось до размеров стереотипной комнаты и скучающая по свеженькому Москва занесла калькулятор над зарплатой, будто мне платят за то, чтобы я проветривал, надо было срочно пообещать эфиру хоть что-нибудь. Тут-то и пришёл на помощь он, ежегодно забываемый супергерой рижского пошива, который выбрал себе трудный путь: посвятил жизнь борьбе со свалками, окурками и прочей человеческой грязью.

Съёмки завершились накануне, текст о чуде был готов, нам оставалось собрать. Как обычно, мы с Ваней заварили побольше кофе и уткнулись в экраны.

— Где эта сука? — Оператор ищет какую-то свою потерявшуюся находку.

— Не выражайся, — говорю ему.

— Сука — это свинья по-латышски.

Так и сидим в поисках лучшего, от навала отснятых кадров откалываем по кусочку и приклеиваем к уже записанной озвучке. Техника укладки у всех похожая, чего не скажешь о результатах. Какими-то мозаиками украшают храмы, какими-то — общественные уборные.

Чувствуете разницу?

Я работаю с человеком, который её не чувствует. Иван в очередной раз постарался: у нас материала на Тадж-Махал. Вот только Тадж-Махал в честь Человека-Свиньи никому не нужен.

— Зачем нам десять одинаковых панорам?

— Чтобы с резервом, — важно шмыгает носом Ваня, — «ну его на фиг» на съёмках — это гарантированное «да твою ж мать!» на монтаже.

— Да твою ж мать!

Иногда камеру всё же надо выключать — наш прибалтийский оператор в курсе, просто он всегда боится пропустить что-то стоящее. А впрочем, чего я жду от человека, который ещё вчера экранизировал свадьбы? Нет, с тех пор как Ваня попал в новости, в его съёмках появилась масса достоинств, но краткость к ним не относится.

— Твой талант, — говорю, — был единственным ребёнком.

— Чего?

— Если, конечно, по Чехову.

— А я больше по Пушкину, по Достоевскому.

Зато за словом в карман не лезет, да и со словарным запасом порядок, хоть тексты — это мой профиль, а Ванин — только картинка. Заявил тут, что он, оказывается, не толстый, а корпулентный.

Иван старше меня лет на пять, ему за тридцать. Невысокий, небритый.

Я, пожалуй, среднего роста. Бывшая соседка мне однажды сказала:

— Парень ты годный, но голос твой трескучий... хочется тебя чем-нибудь заткнуть!

И нашла чем.

Как ещё себя описать? Не знаю. О! Очки! Я их не ношу. Зато Ваня прячет глаза за узкими хамелеонами, оттого вид у него довольно хитрый.

— Протри окуляры, фон Триер! Опять у тебя расфокус.

— Это художественная реальность, — принимает подачу он.

Я встал и подошёл к стеллажу, забитому коробками, папками, древними кассетами, мотками шнуров и прочим бараклом. Взял с полки грязный кусок поролона с логотипом нашего телеканала, то, что натягивают на микрофон. Попытался оттереть знак, который когда-то был белым, поплевал — не помогло. Ещё разок плюнул и выкинул в ведро.

Поштался у стола. Кроме компьютера с двумя экранами, на нём как-то уместились четыре магнитофона из прошлого века и ещё два ламповых монитора определённо оттуда же — прям как телевизоры из моего детства. Стало очень сентиментально, и я сказал:

— Пора разгрести этот музей.

Ваня пожал плечами.

День проплывал мимо, издеваясь над нами своей безоблачностью. Даугава сверкала по обе стороны Заячьего острова, нудной мели, на которую прочно сел этот «корабль», памятник советского то ли модернизма, то ли брутализма — Рижский телецентр. Мы застряли где-то на носу, на девятом этаже в трёх углах нашего офиса.

— Сам-то кабинет у нас ничего, со странностями.

— В Останкино таких нет? — поинтересовался Ваня.

— Не знаю. У меня не было цели сунуться в каждый.

— Танкетка молодец, — вспомнил он свою любимую корреспондентку Татьяну, которую недавно заменили мной, — искала, чтобы окна поширше, чтоб в две стены, чтоб половина города перед глазами, а другая за затылком.

Шпили старой Риги маячили вдалеке, отмечая место, где вкусно кормят и пьянствуют до утра. На улице было

жарко, в комнате душно. Хотелось бросить этот никому, кроме нас, не нужный монтаж, брякнуть Юльке, очаровательной гостье с взыскательным личиком, и рвануть с ней в один ресторанчик у Домского собора. А ещё лучше в Юрмалу, засесть там на какой-нибудь веранде, а потом на пляже проводить закат.

Тогда 22 июля 2011 года сложилось бы для меня совсем иначе. Весьма прозаично. Но нам позвонили из Москвы.

— Как скоро ты можешь быть в Осло? — прокричал Синёв.

— В Осло? — зачем-то переспросил я.

— Не тормози! Тебя покусали эстонцы?

— Я в Латвии.

— А надо в Осло! Как скоро?

— Сейчас посмотрю...

— Срочно!

И это всё? Когда наш московский надзиратель Синёв выходит на связь, первым делом он спрашивает: «Ну как там мартыхи?»

— В смысле бабы, — бывает, вальяжно добавляет он.

Известный приматолог и его персональное «How are you?». Но где оно сейчас?

— Срочно в Осло... — повторил я.

Залез в Сеть, в пятёрке главных новостей она была сверху: взрыв в Осло, теракт.

— В Норвегию! Вань!

Объяснять не пришлось, оператор уже свернул человека-свинью Цукмена и вовсю рыскал по информационным сводкам.

— Правительственный квартал, министерства, есть жертвы, — читал он.

Будь это Кабул или Багдад, редакция скачала бы с YouTube картинку и без суеты выдала бы её в эфир. Но взрыв прогремел в столице Норвегии, в стране настолько спокойной, что Москва вспоминает о ней, лишь когда идут соревнования по биатлону.

— Всего один, — смотрю рейсы, — билетов нет.

Мы отчётливо понимаем, что это гонка, и вовсе не между телеканалами, а внутри нашего. Разумеется, Синёв зарядил и другие бюро: Берлин, Лондон, возможно, даже Париж. Все лезут на информационную иглу, скоро кто-то окажется на ней, а остальные останутся перед телевизором.

Один рейс. На сайте авиакомпании билетов нет. А если начнут сдавать от страха? Нет, не то! Но хоть где-нибудь они всё-таки...

— Есть! — победно воскликнул Ваня, который дозволился до какой-то турфирмы. — У них там три ещё не продано!

Я набрал Синёва:

— Будем вечером, вылет через... — взгляд спикировал на часы, и я вскочил со стула, — через полтора часа вылет!

— Перезвоню. — Синёв бросил трубку.

— Да хоть через час — им же пофиг! — высказал я всё как есть Ивану. — Жди, пока они посоветуются!

Синёв побежал к Директору. Решения у нас принимает он.

Вот были погромы в Стокгольме, мы ж на них опоздали на неделю! Звонили в редакцию каждый день.

— Не спешим, — отвечали нам замы и завыв, — наблюдаем.

— Из Риги?! — возмущался Ваня. — Чего эти ссыкуны ждут?

Как выяснилось, Директора, который уехал в отпуск. Тревожить его там никто не решался.

Но в этот раз на согласование ушли минуты. Директор, конечно же, был на месте, идея закинуть съёмочную группу в Норвегию, конечно же, принадлежала ему.

Перезвонив, Синёв скомандовал:

— Вперёд! Как приземлишься, набери Командора, он ждёт твоего звонка.

Так Синёв называет Директора. Директор особо не сопротивляется.

Выкупать билеты будем в аэропорту. Ваня бронирует, а я анализирую футболку с трогательным хряком — по-

дарок бывшей соседки, поднятый по случаю Цукментажа с глубины комода. Футболка с хряком, пёстрые шорты и сандали — всё это в зеркале, всё это на мне и в норвежскую трагедию никак не вписывается.

— Зашибись! — Ваня откидывается на спинку кресла. — Только вот паспорта у меня с собой нет.

До вылета час, Иван едет домой в такси, я его нагрузил напутственным словом, а он меня — камерой, штативом, осязательной сумкой с микрофонами, со шнурами и с аккумуляторами... и ещё с зарядными устройствами, и с какими-то ещё прибрлудами... сумкой среднего размера с ноутбуком и сумкой со всякими удостоверениями и блокнотом. Всё вместе — килограммов сорок. Ваня в такси, а я навьюченный мул, который семенит к парковке.

Навстречу бежит Игорь, наш продюсер. Продюсер в новостях — это совсем не то, что в кино, тем более когда он внештатник. Вместо чемоданчика с бюджетом Игорь несёт мне свои джинсы и пару рубашек.

— А Ваня где? — кричит он.

— В езде.

— Он успеет?

— А мы?

Мы загрузились в горбатенькую зелёную тачку, Игорёха зовёт её «Зелёпышем». Иногда мне кажется, что они одногодки, а нашему продюсеру около тридцати.

Мелькнуло: «Карьеру решит ведро».

«Зелёпыш» закряхтел и будто бы в ответ на невысказанную критику рванул с острова, на всех парах взлетел на мост и... остановился.

— Японский городской! Пятница! Все пораньше возвращаются домой, — оценил ситуацию Игорь и завершил спонтанный стих так, что получилось хокку, — проклятое пробище!

В другой раз я бы посмеялся, в Риге даже в час пик путь из центра в аэропорт занимает минут 20. Вот только через 15 минут закончится регистрация на рейс.

В толчее «Зелёпыш» не по габаритам смел, протискиваемся между внедорожниками, на гудки фур отвечаем своим сиплым клёкотом — Игорь ошалело лупит по кнопке.

Хватаюсь за телефон.

Где Ваня? Дома или тоже увяз?

Заношу палец над номером...

Нет, а какая разница? Даже если он уже в самолёте — что с того? Кому он там нужен в камере без Осло?

Пфф... В Осло без камеры.

Вместо Вани набираю Юлю:

— Привет! Что «когда»? К тебе? Юль, есть вероятность, что не очень скоро.

У нас с ней завертелось ещё в Москве, на днях она взяла отпуск за свой счёт, вчера прилетела, а сегодня сюрприз:

— Я в Норвегию, там теракт.

Что-то ведь ещё ей хотел сказать... вылетело.

— Да погоди, не перебивай! Ну вот, сбила... Ты, главное, не переживай, в Юрмалу обязательно съезди...

Не знаю, что она мне ответила. Обиделась ли Юля или всё поняла? Я не расслышал и решил не переспрашивать. Бывают такие минуты, когда от тебя ничего не зависит. Надо успокоиться и ждать других.

Игорь, напротив, чувствует себя хозяином положения: крутанув руль, он отправляет нас на обочину, в обгон на зависть добропорядочным латышам.

— Андрюх, зеркало...

— Что?

— Сложи!

Но фонарный столб успевает раньше.

Справа бетонные мачты, слева закипающие в беспомощности авто, этот коридор такой узкий, что машине крупнее здесь не проехать.

«Зелёпыш» трясёт и нас вместе с ним, на бритой голове Игоря пот. Во что-нибудь впилиться или пробить колесо, или нарваться на полицейских — и так и этак мы выбываем.

Объезжая затор, и я, и Игорь не проронили ни звука. Объехав, оба смачно выдохнули.

— А я ж в аварию попал, — ни с того ни с сего сообщил он, — как раз перед тем, как тебя к нам прислали.

— Вовремя ты об этом.

— Расслабься. Подъезжаю к перекрёстку, — продолжил он неспешно, словно мы катались в своё удовольствие, — смотрю, старушенция такая в платочке намеревается на красный переходить, уже полпути загородила клюкой. Я по гудку — она, как балетная фея, отпрыгивает, начинает предавать меня анафеме, а я ржу и ей так грожу, грожу пальцем... И тут в меня сбоку влетает пепелац.

— Внезапно, — усмехнулся я.

— Не то слово! — радостно гоготнул Игорёха. — Причём тот мужик тоже на ведьму засмотрелся. Как она ликовала, всеми красками мира не описать!

— У тебя получилось почти как у Вани, когда он свалился в могилу к викингам.

Когда мы снимали на Сааремаа погребальную ладью, которую откапывали эстонские археологи. Ваня увлёкся и сделал лишний шаг, эстонские археологи хотели его закопать.

— Что как у Вани? — не понял Игорь.

— То был его эпичный провал, а это — твой.

— Да уж, у каждого уникальный стиль, — согласился он, — не дрейфь, я сейчас не в настроении свой демонстрировать.

Уверенность Игорёхи заражала. Он, конечно, нам нужен в Осло, и ведь есть ещё один свободный билет, но контора покупку не одобрит, потому что наш продюсер — внештатник. Логика абсурдна, когда она не твоя.

Ваня прислал абстрактное «Еду».

Над «Зелёпышем» пролетел самолёт.

— Пропустите!

Мы в аэропорту.

— Теракт в Осло!

Проталкиваемся сквозь толпу перед нужным офисом.

— Теракт в Осло!

Ненароком оттесняем какого-то детину.